

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата исторических наук Ткаченко Виктории Владимировны
на тему: «Допетровская Русь в исторической памяти XVIII века»
по специальности 07.00.02 – «Отечественная история»**

Диссертация Виктории Владимировны Ткаченко, без всякого сомнения, посвящена важной и актуальной теме – характеристике одного из этапов формирования исторического сознания российского общества, связанного с осмыслением им в «переломную» эпоху «европеизационного» XVIII столетия своей допетровской истории. Круг сформировавшихся тогда представлений и «образов прошлого» лег в основу исторической традиции, которая и до сих пор оказывает серьезное влияние на наше историческое сознание.

Виктория Владимировна поставила своей целью восстановить этот круг представлений и выявить основные механизмы формирования исторического сознания российского общества в указанную эпоху. Задача эта, несомненно, очень непроста – даже просто попытка восстановить и проанализировать исторические представления о допетровской Руси на протяжении всего XVIII в. требует обработки и сведения воедино самого разнообразного и пестрого материала, изученного далеко не в одинаковой степени, к тому же чаще всего – специалистами из других областей знания (литературоведами и историками культуры и церкви) под совершенно иными углами зрения. Еще сложнее – учесть огромное многообразие факторов, влиявших на появление и окраску многих исторических сюжетов, подверженных на протяжении столь длительного периода изменчивой конъюнктуры в сфере идеологии и меняющейся социальной психологии русского общества.

Поэтому диссертация Виктории Владимировны Ткаченко – прежде всего плод огромной работы над широким кругом источников, наглядно отраженной в библиографическом разделе, где перечень обработанных автором источников занимает 12 страниц (с. 314-325) и включает в общей сложности 297 только опубликованных источников (не считая обширного массива архивных). Понятно, что осмысление столь объемного массива источников самого разного характера (среди которых есть ряд широко известных и более-менее детально исследованных, но гораздо больше – редких) не может быть осуществлено без определенных «шероховатостей», и, наверное, вызовет по конкретным источникам ряд обоснованных претензий к автору, не всегда имеющему возможность учесть те или конкретные аспекты, влияющие на окраску содержащихся в них исторических сведений. Подобные недостатки неизбежны при столь широком охвате, но они не должны умалять главной ценности работы В.В. Ткаченко – попытки обобщения, попытки формирования «генерализирующего взгляда» на сложную и широкую проблему, в ходе разрешения которой автору удалось прийти к целому ряду ценных наблюдений и выводов.

Историографический обзор, проделанный во введении (с. 12-29), достаточно обстоятелен и основателен – автор учла как теоретические работы по проблемам формирования исторической памяти и исторического сознания, так и массу конкретных исследований по отдельным явлениям, формирующим эту память и сознание – по отдельным памятникам мысли, литературы и искусства, и список обработанных ей исследований не менее обширен, чем список источников (более 300 работ, с. 326-339). Автор владеет основными методами исторического исследования (что продемонстрировано в их характеристике во введении к работе), а также специфической методологией, связанной с исследованием проблем исторического сознания и тесно связанной с ним исторической памяти.

Этими методологическими принципами диктуется логика исследования и определенная ей структура работы, поделенной на 5 глав. Автор ставит задачу: 1) сначала выявить каналы формирования исторической памяти и исторического сознания; 2) затем – воссоздать своего рода ментальную карту памяти (в виде символического ряда и круга исторических образов - того, что можно назвать «местами памяти» вслед за Пьером Нора), и наконец 3) выстроить эти образы в определенную иерархию, подвергнув ее реконструкции и интерпретации (с. 9).

Выявляя в **первой главе** информационные каналы, формирующие в XVIII в. историческую память о допетровской России, Виктория Владимировна приходит к выводу, что система образования отнюдь не является главным информационным каналом (что привычно и естественно для нас). Анализ состояния исторического образования в общем контексте проблем развития образования (еще не сложившегося в систему школ и преемственных учебных программ и представленного немногочисленными и разрозненными учебными заведениями, ориентированными в первую очередь на профессиональную подготовку), самостоятельно проделанный ей, приводит ее к важному наблюдению о неразвитости системы исторического образования (и в еще большей степени – преподавания российской истории) не только в первой, но и во второй половине XVIII в. Автор приходит к выводу, что она не играла основной, системообразующей роли в формировании исторической памяти и исторического сознания российского общества. Этот важный самостоятельный вывод автора, возможно, слишком категоричен и не во всем бесспорен (на что указывает пример выпускника кадетского корпуса А.П. Сумарокова, ставшего одним из лидеров формирования исторического сознания в русской драматургии), но, несомненно, во многом справедлив.

Поэтому, по мнению В.В. Ткаченко, основную роль играли другие информационные каналы и механизмы, ориентированные главным на историческое самообразование, становящееся личной инициативой субъекта.

Автор последовательно анализирует «удельный вес» каждого из них (печати, светской и церковной; литературы и изобразительного искусства, создающего визуальные образы прошлого; устной традиции, воплощенной в фольклоре) в окончании первой главы и в четырех оставшихся главах работы, приходя и здесь к важным самостоятельным выводам и ценным наблюдениям. Возможно, она дает остальной совокупности этих каналов не слишком удачное определение, характеризуя их как «вненаучные» (что нередко противоречит ее же собственным наблюдениям о влиянии появившихся в печати во второй половине XVIII в. серьезных исторических сочинений на сюжеты литературных произведений, драм Екатерины II, инициированной ей серии памятных исторических медалей и т.д.). Наверное, его следует заменить чем-то более корректным.

С ее точки зрения, одним из основных каналов исторического самообразования являлась печать, ориентированная прежде всего на самостоятельное чтение индивида.

В.В. Ткаченко анализирует те произведения, которые могли оказать влияние на формирование основ исторической памяти в XVIII в. и первоначальной картины «мест памяти» у большинства населения, и приходит к выводу, что для первой (и даже второй) половины XVIII в., весьма существенную роль в этом сыграл появившийся в 1674 г. и неоднократно переиздававшийся в XVIII в. «Синописис» Иннокентия Гизеля. Автор пытается определить «среду бытования» этого памятника и пересматривает сложившееся стереотипное представление о нем, как о школьном учебнике, которым он, видимо, действительно никогда не был. С точки зрения автора, он являлся общенародной книгой для «вольного чтения», сформировавшей у широких кругов населения первоначальную картину «мест памяти» и иерархию исторических образов допетровской Руси в XVIII в. При анализе тематики исторических сюжетов «Синописиса» В.В. Ткаченко приходит к выводу, что он в известной степени предопределил последующее преобладание в исторической памяти древнерусских сюжетов с

выдвижением фигуры кн. Владимира в качестве ее ядра, а также стал попыткой формирования национального исторического мифа с обоснованием славянского единства и преемственности Киева и Москвы, востребованной во второй половине XVIII в. в эпоху территориальной экспансии Екатерины на западные территории восточных славян. Но автор сама же признает, что для образованной части общества он был «баснословной книгой», подвергавшейся острой критике, и выдвижение этих сюжетов на первый план могло иметь и другие корни, отличные от «Синописа». Кроме того, далеко не во всем учитывается сложный характер «Синописа», являвшегося плодом прежде всего не столько русской, сколько украинской мысли, преследовавшей собственные цели и интересы в формировании определенной конфигурации мест исторической памяти. Как и в случае с многими другими сюжетами, выводы автора могут стать отправной точкой для плодотворных дискуссий.

При анализе исторических сюжетов в гражданской печати XVIII в. В.В. Ткаченко приходит к ценным наблюдениям, касающимся прежде всего хронологии: по ее мнению, широкое распространение исторической информации о допетровской России в этой среде началось в основном уже с 1760-х гг. и во многом связано с екатерининской эпохой. Следовало бы, наверное, подробнее остановиться на причинах этого и, возможно, детальнее охарактеризовать тот комплекс факторов, который повлиял на оживление исторической памяти о допетровской Руси именно в это время (какой вклад внесло распространение идей Просвещения и традиции формирующегося классицизма; формирование национального самосознания и патриотизма; нарастающая потребность в исторических знаниях; оживление внешней политики, заставляющее искать в истории идеологическое обоснование внешнеполитических акций, и т.д.). Впрочем, это совсем непростая задача, пожалуй, требующая отдельного самостоятельного исследования.

Анализируя тематическую структуру исторических публикаций в печати, В.В. Ткаченко приходит к выводу, что и здесь преобладали

древнерусские сюжеты, а также (помимо популярных родословий русских государей) – обобщающие работы по русской истории, сочетающиеся с вызванными интересом к локальной истории на местах краеведческими, тесно связанными с географией и экономикой. Возможно, некоторой крайностью является недооценка влияния «большой историографии» – при всей справедливости замечаний, что закрытая академическая дискуссия 1749-1750 гг. о происхождении варягов не была доступна широкой публике, а исторические труды В.Н. Татищева, А.И. Манкиева, А.И. Лызлова были опубликованы поздно и не могли оказать глобального воздействия на историческое сознание даже в 1760-е – 1770-е гг., Виктория Владимировна далее во многих местах отмечает, что по крайней мере в 1780-е гг. они оказали заметно влияние на некоторые сочинения и сюжеты в области литературы и искусства, а появление именно в 1750 г. «варяжской» трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» в какой-то степени могло стать и отзвуком «академической дискуссии».

В.В. Ткаченко (вероятно вполне обоснованно) считает, что гораздо большее влияние на формирование в массовом сознании исторической памяти о допетровской Руси оказали произведения литературы и искусства, так или иначе затрагивающие соответствующие исторические сюжеты.

Анализу этих памятников посвящена **вторая глава** ее работы. Виктория Владимировна, как всегда, скрупулезно собирает и обобщает все литературные и драматические произведения, отражающие их; строит таблицы, генерализирующие структуру сюжетов и распределение их по эпохам. Таблица позволяет восстановить картину и конфигурацию «мест памяти» и прийти к выводу, что, как и в предыдущих случаях, фактически три четверти их (со включением сюжетов о богатырях) составляли домонгольские события и персонажи (с. 82-83), что она считает не только следствием уже сложившейся в исторической памяти традиции, но в определенной степени и отражением концепций классицизма, ищущего «классические» сюжеты в глубокой древности, каковой для России вместо

античности становилась Древняя Русь. Специфика отражения этих тем в литературе, допускавшей вольное обращение с историческим материалом, потребность в драматизации и героизации событий, в формировании основ патриотического мифа привели к исключению сюжетов о трагических событиях прошлого (таких, как Батыево нашествие) и воспеванию побед над татарами, связанных со строительством Российского государства (взятия Казани в «Россиаде» М.М. Хераскова). Так, она отмечает целиком «литературную» «романтизирующую» тенденцию в изображении князя Владимира, который в большинстве случаев изображается не как креститель Руси, а как драматический «семейный» герой, вовлеченный в конфликты, связанные с женитьбой на полоцкой княжне Рогнеде. Вместе с тем, автор отмечает рост исторической достоверности литературных сочинений по мере приближения к XVIII в., что, в частности сказалось как на сочинении М.М. Хераскова о взятии Казани, так и на отражении событий Смуты, которые, однако, пока редки в литературе (им посвящено всего 3 произведения, но в них уже закладываются основы «патриотического мифа» с выдвижением на первые роли фигур Минина и Пожарского).

В древнерусских сюжетах по мере приближения к концу столетия все отчетливее обозначается не только «киевский», но и «новгородский» пласт, связанный с «варяжскими» сюжетами, интерес к которым, после короткого обращения к «варяжской» теме А.П. Сумароковым в 1750 г., растет в 1786-1791 г. В них все чаще всплывает образ антагониста Рюрика – Вадима Новгородского, который у Княжнина в эпоху Великой Французской революции начинает связываться с «новгородской вольностью» (с. 100-101).

Анализируя в последнем параграфе главы исторические сюжеты в изобразительном искусстве, визуализирующие исторические образы и «места памяти», автор начинает с характеристики портретов русских государей, тесно связанных с их «Родословиями», но в большинстве своем создающие условные визуальные образы (нередко заимствованные из портретных галерей французских и польских правителей). Как и в литературе, только с

екатерининского времени начинается визуализация исторических сюжетов в живописи и медальерном искусстве, стимулированная ломоносовскими «Идеями для живописных картин из российской истории» (1764 г.) и начавшими с 1766 г. обращаться к историческим сюжетам программами экзаменационных тем в Академии художеств. К сожалению, художники в еще меньшей степени, чем литераторы, ставят себе целью приблизиться к исторической достоверности, создавая весьма условные визуальные образы русской древности в классических или европейски-средневековых интерьерах и одеждах.

По наблюдениям В.В. Ткаченко, они отражают уже сложившуюся к этому времени общую картину «мест памяти» с преобладанием древнерусских мотивов, но ломоносовская программа включает и примерно треть тем по более близким сюжетам (в том числе 7 тем по Смуте). Автор, вероятно, несколько преувеличивает влияние ломоносовской программы на программу Академии Художеств (признавая далее сама, что «программа Академии художеств перекликалась с предложенными М.В. Ломоносовым сюжетами лишь частично» (с. 152)), но сама схожесть сюжетов свидетельствует в пользу ее основного вывода, что к этому времени уже сложилась устоявшаяся общая иерархия исторических образов и «мест памяти», ориентированная преимущественно на Древнюю Русь. Ее в определенной степени отразил и обширный (235 сюжетов до 1132 г., из которых не менее 147 посвящены Рюрику, Олегу, Игорю, Владимиру и Ярославу Мудрому) «медальный проект» Екатерины II, задуманный и частично реализованный в 1784-1786 гг. с явной опорой на сочинения В.Н. Татищева. Тематический анализ этих медалей (с. 153-154), удачно проделанный автором, неплохо было бы дополнить переводом его в табличную форму и более четкой статистической обработкой, а также и в целом чуть более четко проводить статистическую обработку таблиц. Вероятно, следовало бы обратить внимание и на возможную связь «медального проекта» с историческими «варяжскими» драмами Екатерины,

появившимися почти одновременно с ним в 1786 г. Создаваемые сознательно визуальные образы допетровского прошлого, по мнению В.В. Ткаченко, прежде всего диктуются книжностью (то есть не являются вполне «вненаучными»).

Третья глава работы, посвященная отражению истории допетровской Руси в церковной традиции, исходит из вполне обоснованной посылки, что имеющая огромное влияние в обществе церковь не могла не стать одним из каналов формирования исторической памяти в обществе.

Однако и здесь влияние на массу верующих было ограничено: по мнению В.В. Ткаченко, исторические сюжеты почти не проникли в церковное богослужение – краткие отсылки к историческим сюжетам на темы российской истории содержались лишь в службах Сергию Радонежскому и царевичу Дмитрию (с. 162), и потому церковь оказывала влияние прежде всего на грамотный круг верующих через печатные тексты, а на неграмотных – преимущественно через их публичное чтение и устную передачу.

Унификация церковных текстов в синодальный период и широкое их печатное распространение создавали широкую почву для внедрения содержащихся в них сведений в народное сознание. По мнению автора, по количеству изданий и тиражам они существенно превосходили светские печатные тексты с историческими сюжетами.

Основной массив таких текстов составляли тексты агиографические, связанные с житиями русских святых. Поэтому далее автор анализирует основной канал печатного распространения таких текстов – «Четыи mineи» Дмитрия Ростовского, четыре тома которых впервые появились в печати в типографии Киево-Печерской лавры в интервале с 1689 по 1705 г. и были переизданы в Киеве в 1711-1718 гг., а потому наряду с «Синописом» могли оказывать преимущественное влияние на массовое историческое сознание в первой половине XVIII века. Но в максимальной степени их воздействие на историческую память верующих тоже проявилось со второй половины XVIII

в., когда с 15-летним перерывом появилась две основные волны уже московских переизданий сочинения Дмитрия Ростовского (первая в 1754-1767 г., но в основном в 1760-е гг. (4 издания); вторая – в 1780-е -1790-е гг. (3 издания)), вышедшие общим тиражом не менее 17 тыс. экз. (с. 163)

В.В. Ткаченко проанализировала специфику сочинений Дмитрия Ростовского и пришла к выводу, что для автора, внимательно и критически относившегося к исторической подоплеке агиографических сюжетов, характерен *«синтез агиографического и исторического подходов к освещению событий прошлого»* (с. 169). Однако, как кажется, следует в большей степени учитывать тот факт, что, как и «Синописис», его «Четьи минеи» тоже являются памятником, рожденным в недрах смешанной культурной и церковной украинско-русской традиции (косвенным отражением чего является «хазарский миф», объясняющий происхождение казачества – с. 172-175). Не случайно они делают акцент на биографиях киевских святых, что естественным образом выдвигает на первый план жития общерусских святых, преимущественно связанные с киевским периодом и опирающиеся на Киево-Печерский патерик. Выстраивая в очередную таблицу 82 исторических сюжета, отразившихся в «Житиях» (таблица 5 на с. 169), В.В. Ткаченко констатирует уже в основном привычную для нас по другим информационным каналам формирования исторического сознания картину «мест памяти», почти две трети которых относятся к домонгольской Руси.

Однако «Жития» демонстрируют все же несколько иную конфигурацию «мест памяти», чем светская литературная традиция – около трети сюжетов посвящены святым, так или иначе участвовавшим в русско-татарских отношениях XIII-XV вв. и в жизни Московского княжества, и автор отмечает, что с XIV в. центр внимания переносится на Северо-Восточную Русь (с. 197). Вместе с тем, в соответствие с христианской картиной мира, святые превращаются в активных деятелей истории, чудеса которых оказывают влияние на исторические события и после их жизни.

Трудно не согласиться с общим выводом, что «Четьи Минеи», ставшие «настойной книгой» для семейного чтения верующих, оказали огромное влияние на формирование исторической памяти в широких слоях населения, однако влияние специфическое – фрагментарные тексты (в которых историческая информация нередко «тонула» в биографических подробностях и изображениях чудес), к тому же строящиеся по дням поминовения святых, разбросанным по месяцам, не создавали связной хронологической картины российской истории.

Однако, как отмечает автор, труды Дмитрия Ростовского могли оказать еще более заметное влияние на массу верующих, в том числе и неграмотных, поскольку широко практиковалась передача их в устной традиции.

В следующей, **четвертой главе** исследования («Допетровская Русь в фольклоре XVIII в.»), автор анализирует специфику этого информационного канала формирования исторической памяти – влияния устной, фольклорной традиции. В.В. Ткаченко, естественно, приходится анализировать прежде всего записи фольклорных памятников, и она прекрасно понимает и отмечает все недостатки избирательного подхода при письменной фиксации устной традиции (с. 218). В качестве главного объекта она избирает памятник с максимальным, с ее точки зрения, количеством исторических сюжетов, хотя и с ярко выраженным региональным характером, связанный с Уральским регионом – «Сборник Кирши Данилова», что характерно, появившийся не раньше 1740-х -1760-х гг. в общем контексте общественного интереса к русской истории. Анализируя специфику этого памятника, представления автора о времени и пространстве (ориентированные скорее на пространственное, географическое осмысление событий, при общем ощущении безвременности, характерной для «старин», с связи с чем исследовательница считает искусственным принятое размежевание былин и исторических песен), В.В. Ткаченко, опять сводит его сюжеты в таблицу. Таблица снова рисует в общем уже типичную конфигурацию «мест памяти», ориентированных на этот раз скорее географически, чем хронологически

(«киевская старина» с упоминанием Киева 128 раз, «новгородская» и «московская» старина (с упоминанием Новгорода и Москвы соответственно 46 и 42 раза)), но по прежнему характеризующихся преобладанием древнерусских сюжетов (осложненных многочисленными анахронизмами – например, перенесением татар в былинах во времена князя Владимира). Однако она отмечает, что сложившиеся в фольклоре образы киевской и новгородской старины, пронизанные историческим мифологизмом, оптимизмом и героическим эпосом и нередко окрашенные в юмористические тона, отличаются от образов «московской старины» - более близких и насыщенных историческими реалиями. Песни же о совсем недавних исторических событиях XVII в. теряют оптимизм, особенно исторические песни о событиях второй половины XVII в. с минорными безрадостными мелодиями, рисующие тяготы и лишения службы во время русско-польской войны 1654-1667 г. Таким образом, картина «мест памяти» постепенно начинает меняться с некоторым сдвигом в сторону более близких исторических событий, однако доля их в общей структуре исторических сюжетов все еще растет не слишком значительно.

Поэтому это не очень существенно меняет общую структуру исторической памяти: и в фольклоре мы видим примерно ту же картину распределения исторических сюжетов и почти тот же их круг, что сформировался в сознании знакомых с печатным словом людей.

Если в первых четырех главах автор рисует механизмы формирования исторической памяти и сознания, которые не дают возможности проследить, насколько и как исторические сведения, передаваемые посредством их, усваиваются людьми, то в **пятой главе** («Допетровская Русь в повседневном историческом сознании XVIII в.») автор пытается решить эту задачу – оценить уровень реальных исторических представлений людей в массовом сознании.

В.В. Ткаченко использует здесь два основных вида источников, в которых эти представления могли отразиться: 1) ответы на массовые анкеты

XVIII в., включающие исторические вопросы, и 2) мемуарную литературу, фиксирующую исторические знания ее авторов.

Конечно, наиболее интересен первый сюжет, где объектом анализа становится «свежий» и достаточно обширный круг архивных источников, практически не введенных в данном контексте в научный оборот. Это ответы местных чиновников на три группы анкетных опросов, различающиеся временем и характером, и так или иначе включающих «исторические» вопросы, касающиеся прежде всего сюжетов региональной истории (представлений об истории собственных городов): 1) опрос 1724 г., инициированный Герольдмейстерской конторой в связи с необходимостью составления городских гербов, отражающих специфику и историю городов; 2) более подробное анкетирование 1760-х гг., проведенное Академией наук и Кадетским корпусом; 3) сведения об истории городов, собранные в 1770-е – 1790-е гг. в ходе Генерального межевания, сбор которых не входил в задачу землемеров, но которые, тем не менее, появились в материалах межевания, что отразило растущий интерес общества к своей истории.

В.В. Ткаченко выявила в архивах и проанализировала сохранившиеся массивы анкет, сравнила их формуляры, систематизировала ответы, и в итоге выяснила, что анкеты в целом отражают сравнительно слабую осведомленность местных чиновников об истории собственных городов при гораздо более обстоятельных ответах на вопросы об их географии и экономике (с. 275). В некоторых случаях ответы на анкету 1720-х гг., опирающиеся на описания и сметы городов еще XVII в., после многочисленных пожаров и утрат архивов сохранили больше исторической информации, чем ответы 1760-х гг. События, связанные с церковной историей и храмовым строительством оказались известны лучше, чем события светской истории, память о которых (даже о войнах и осадах городов) почти не сохранилась или же сохранилась в устных преданиях, рассказах старожилов или же в агиографической традиции. Все это в целом подтверждает общий вывод автора о невысоком уровне исторического

образования и специфической конфигурации исторической памяти населения, ориентированной прежде всего на события «дальних эпох», связанные с общеславянской и общероссийской, а также религиозной историей.

Эта же структура исторической памяти демонстрируется и анализом «допетровской» исторической информации о городах в мемуарах современников. Как правило, ее отзвуки возникали у путешественников при проезде через широко известные города, занимающие главные позиции среди «мест памяти». В.В. Ткаченко анализирует и сравнивает представления о Киеве и Новгороде, делая ряд ценных и тонких наблюдений, особенно интересных в отношении Новгорода, который очень часто воспринимался просто как один из дорожных пунктов на подъезде к Петербургу. В тех же случаях, когда он вызывал исторические ассоциации, Новгород (прежде всего под влиянием навеянных литературой образов) воспринимался как «место зарождения российской государственности и символ исконной вольности, покоренной московской самодержавной властью» (с. 305), но вызвал разочарование у путешественников, поскольку сохранившиеся его памятники никак не связывались с этими ассоциациями, даже вызвав на рубеже XVIII-XIX вв. появление вымышленных псевдоисторических достопримечательностей, подобных «дому Марфы Посадницы» (с. 303-304).

Таким образом, последовательно спускаясь по лестнице информационных каналов от тех, что влияют на представления образованной части общества к тем, что формируют историческое сознание более широких и в основной своей массе неграмотных групп людей, автор фактически приходит к выводу, что общая структура и конфигурация «мест памяти», формирующих историческую память о допетровской Руси и историческое сознание разных групп российского общества во второй половине XVIII в., довольно схожа, и при всем различии в понимании и интерпретации этих мест разными слоями населения, они живут в круге близких исторических сюжетов.

Как мы уже отмечали, восстановление этой «генерализирующей» картины путем последовательного анализа разных ее слоев и механизмов ее формирования и является главной заслугой автора. При всех возможных замечаниях, касающихся деталей интерпретации отдельных узлов и звеньев этой картины, основная исследовательская задача, поставленная в работе, без всякого сомнения, успешно решена автором. Конечно, полученная общая картина требует еще глубокого осмысления и объяснения, и именно в этой части, наверное, вызовет неизбежные вопросы и станет поводом для дискуссий. Это открывает В.В. Ткаченко широкий простор для дальнейшей исследовательской работы. В этой связи нельзя лишний раз не отметить исключительное трудолюбие автора, которое, несомненно, сделает и эту последующую работу плодотворной.

Автореферат диссертации адекватно представляет ее содержание и соответствует необходимым требованиям к нему. Основные положения работы получили апробацию на целом ряде конференций (в том числе и международных) и представлены в серии из 18 публикаций, в том числе и необходимым числом публикаций в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, утвержденных на основании решения Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сделанные в тесте отзыва замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация В.В. Ткаченко «ДОПЕТРОВСКАЯ РУСЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ XVIII ВЕКА» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 07.00.02 – «Отечественная история» (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также

оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Ткаченко Виктория Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история».

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,
профессор кафедры гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
Липецкого филиала
ФГБОУ ВО "Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации"
ПЕТРУХИНЦЕВ Николай Николаевич

(подпись)

(дата)

Контактные данные:

тел.: +7 (4742) 27-39-48, e-mail: pr@ranepa.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы:

398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, д.3.
Липецкий филиал ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации", кафедра
гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
тел.: +7 (4742) 27-39-48, e-mail: lip@ranepa.ru

Подпись сотрудника
ФГБОУ ВО "Российс
народного хозяйства
при Президенте Росс
профессора Н.Н. Пет
удостоверяю: